

АНАТОЛИЙ РУБИН

Автор (род. в 1928 г.) родился в еврейской традиционной семье в Минске, но образование получил исключительно советское. Во время вторжения немцев в Советский Союз ему было 13 лет. Он описывает события в гетто и уничтожение евреев в Минске, свою жизнь как "христианского" мальчика в глухих белорусских деревнях, антисемитскую атмосферу в партизанских отрядах. После войны закончил Институт физической культуры в Минске и стал инструктором по спорту. Он лично чувствовал

усиление антисемитизма в окружающей среде. Основание еврейского государства усилило чувство отчужденности и привело его к поискам своего еврейского самосознания. Он искал и нашел старые книги на русском языке на еврейские и сионистские темы, и полученную информацию и идеи старался распространять среди европейской молодежи.

После ареста и следствия был осужден к шести годам лишения свободы. После освобождения прибыл в Израиль.

Сочинение написано толково и дает типичную картину судьбы евреев в Восточной Европе во время и после катастрофы. (Выписка из протокола заседания жюри.)

Девиз: *Страницы пережитого*

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ Детство и начало войны

Помню себя примерно с пятилетнего возраста. Одна большая комната, перегороженная огромным старинным шкафом. Большая кухня с русской печью. Мебель вся старая, неуклю-

жая. Во всем чувствовался недостаток. Семья наша состояла из шести человек. Отец властно навязывал свою религиозность всей семье. Остальным членам семьи религия была чужда, и они выполняли некоторые обряды только ради него. Как правило, дети, подростки тянутся к сильным, героическим, импозантным личностям и стараются быть похожими на них. Даже до Второй мировой войны, когда в Советском Союзе существовала еврейская литература, газеты и театры, в учебниках, фильмах, в художественной литературе русский был воплощением всех добродетелей. Он и могуч, он и мудр, он и великодушен, он и героичен. Еврей же, даже положительный, был хозяйственником, торговцем или, в лучшем случае, врачом. Меня, как и многих моих сверстников, естественно, притягивал героический образ, и я старался быть похожим на русских, тем более, что большинство моих товарищей и в школе, и во дворе были русские.

Чтобы быть здоровым, сильным и независимым, я еще в детстве начал заниматься спортом. Регулярно занимался гимнастикой дома, а потом поступил в спортивную секцию. Любил читать, особенно книги военные и исторические. С детства старался воспитать в себе силу воли. Заставлял себя прыгать с крыши сарая или из окна класса на втором этаже. Прыгал в воду, не умея плавать. Но была у меня одна слабость — жалость ко всему живому. Например, когда вынимали живую рыбку из воды, я плакал. В дальнейшем, в войну, я понял, что еврею надо быть жестче. Когда я жил в деревне на оккупированной территории, я заставлял себя резать овец, телят, отрубать головы гусям и хотел таким образом уничтожить в себе эту слабость, мешавшую мне в то время.

Война застала меня в пионерском лагере в семи километрах от Минска, в поселке Дрозды. Мне было тогда 13 лет. Нас начали готовить к эвакуации. Раздали кое-что из продуктов. Но назавтра обнаружили, что в лагере остались лишь дети, часть работников кухни и сторожа. Остальные все разбежались. Началась паника. В это время к моему товарищу пришла мать забрать его из лагеря. Я присоединился к ним, и мы вместе пошли в Минск. Потом я узнал, что вскоре после моего ухода приходили за мной моя мать и

старшая сестра Тамара. Придя в Минск, я увидел, что на месте нашего дома остались лишь тлеющие головни. Кое-где лежали вздутые трупы, среди них были трупы наших соседей. Я пошел вместе с людским потоком на Восток. Шли весь вечер, всю ночь. Изнемогавшие люди бросали свои жалкие пожитки, которые они захватили из дома, если дом еще не сгорел до этого. Все время нас обстреливали немецкие штурмовики, и мы бросались врасыпную в поле или в лес и ложились. Некоторые так и не поднялись. Позже нас останавливали люди в советской военной форме, отбирали мужчин, особенно стриженных, так как это был верный признак, что они военные, и уводили в лес или же в овраг, и оттуда вскоре доносились выстрелы. Потом мы узнали, что это были немецкие десантники, переодетые в советскую форму. На следующий день мы дошли до местечка Смиловичи в 35 километрах от Минска. Население этого местечка, как и большинства других, было в основном еврейским. В Смиловичах я неожиданно встретил свою тетю с маленьким сыном, она еле плелась на своих больных ногах. В местечке стояла советская военная часть, и было много беженцев. Мы остановились на квартире местного еврейского кузнеца. Это был классический кузнец: могучий, с большой окладистой бородой и жилистыми руками. У него остановились еще несколько семей беженцев. Во время налетов немецких самолетов все мы бежали на его огород и ложились между грядками. 26 июня радио сообщило, что бои идут где-то возле Барановичей — более 200 километров от нас. Но уже минут через десять после этого на улице начали кричать, что какие-то танки стоят по ту сторону реки. Река протекала у самого местечка. Сперва кричали: "Наши! Наши!", но потом заметили, что танки какие-то другие, черного цвета. Все разбежались по домам, а стоявшая в местечке военная часть вмиг куда-то исчезла. Мы забежали в дом, и кузнец велел нам всем лечь на пол. Через несколько минут послышался рокот мотоциклетных моторов и выстрелы, еще минут через пятнадцать — удары прикладами в дверь и гортанные крики: "Ауфмахен!" Кузнец открыл дверь, в квартиру ворвалось несколько солдат и с криками "Раус!" начали всех выгонять во двор, заставляя при этом руки держать на затылке. Во дворе они отобрали мужчин и

стали их уводить. Жены и дети бросились с плачем к своим мужьям и отцам, но немцы их быстро отогнали, работая прикладами винтовок и сапогами. Позже оказалось, что немцы их взяли на разные работы, в том числе для восстановления моста. Мы немного осмелели и стали выходить на улицу. Мальчики со смешанным чувством страха и удивления смотрели на немецкую технику — огромные машины, танки, автоматы. Сами немцы выглядели как на картинке — высокие, здоровые, с засученными рукавами, с открытым воротом. Это были фронтовики, которые не трогали мирного населения, а, заняв населенный пункт, уходили дальше. Потом приходили специальные войска СС, гестапо, которые наводили новый порядок. На центральной площади местечка был райком партии и райисполком. Посреди площади стоял памятник — Ленин с вытянутой рукой. Немцы подкатили маленькую пушку и выстрелили по нему. Все мы разбежались, но вдруг я почувствовал удар по голове. Я обернулся — на земле лежал ленинский палец, а на голове у меня осталась шишка. Это был первый удар, весьма символический. С приходом немцев резко изменилось отношение нееврейского населения к евреям. Неевреев было в местечке немного, но они сразу же преобразились — с их стороны посыпались оскорбления и угрозы. Итти дальше на восток не было возможности, и мы с родственниками отправились назад в уже оккупированный Минск.

Было жаркое сухое лето. Мы взяли с собой чайник воды, отивали лишь по три глотка — приходилось экономить. Тетушка и ее сынишка с трудом волочили ноги. Шоссе было забито людьми, как и неделю назад — большинство не успело убежать. Люди уже не торопились, ибо шли в неизвестное. Впервые я увидел убитых красноармейцев. Почти со всех были сняты сапоги. Навстречу нам двигался из Минска поток крестьянских телег, нагруженных награбленным имуществом бежавших. Одна еврейская семья опознала свою мебель и пришла в негодование. В ответ мужики набросились на эту семью, избили, а потом еще насмеялись: "Вам ведь это уже не понадобится". Наконец, мы добрались до Минска. Город лежал в развалинах. Весь центр был разрушен. Пахло гарью. Стоял смрад от разлагающихся трупов.

Немцы уже были в Минске. Они вошли в него 27 июня, не встретив сопротивления, и захватили огромное количество пленных. Мы пошли на окраину города к другой моей тете, и там я встретил маму и двух сестер. Не найдя меня в лагере, они отправились в Астрашицкий Городок, где жили какие-то наши дальние родственники. Как и многие, они верили в силу Красной армии, и бежали не от немцев, а от бомбёжек: военные сводки сообщали, что бои шли далеко от Минска. Но немцы застигли их, и они, как и мы вернулись в Минск. Мой старший брат служил в армии. Во время войны, как потом я узнал, он воевал на Ленинградском фронте. В 1944 г. он пропал без вести. Отец в один из первых дней войны, вернувшись с работы, застал на месте нашего дома лишь пожарище, и кто-то ему сказал, что видел нашу семью на Московском шоссе. Он и пошел туда искать нас. Потом нам рассказали, что он был убит по дороге бандитами.

Мы жили на квартире у одной из тетушек, на тогдашней окраине Минска — Перёспа. Минчане, не собирающиеся бежать, воспользовались суматохой и натащили с частных квартир и с уцелевших после пожара складов полные дома вещей и продуктов. Недалеко от нас были разграблены склады с мукой, пищевыми концентратами и мылом. Кроме того, на железной дороге стоял состав с цистернами пережженной патоки. Люди с ведрами забирались наверх и черпали оттуда. Я видел, как женщина поскользнулась на разлившейся патоке и упала в люк цистерны. Сначала люди отхлынули и не решались брать патоку оттуда, где лежала утопленница. Но через некоторое время кто-то первый решился зачерпнуть ведро с малисом и люди вновь как мухи облепили сладкую цистерну. Вскоре начались первые облавы и посыпались первые немецкие приказы. Недалеко от летнего лагеря в Дроздах, где застала меня война, немцы создали временный концлагерь для военнопленных и гражданских лиц. Лагерь этот находился в открытом поле под открытым небом. Находились в нем десятки тысяч человек. Вскоре этих людей разбили на три группы — военнопленных, евреев и неевреев. Евреи в этом лагере подвергались страшным издевательствам не только со стороны немцев, но и со стороны местных антисемитов. Их зверски избивали, отби-

рали приносимую из дома еду и убивали просто для удовольствия. Потом неевреев отпустили, большую часть евреев отправили в гетто, а часть в тюрьму. Вышли первые приказы — евреи должны сдать все ценности: золото, серебро, меха. У всех приказов была одна концовка: "За невыполнение приказа — расстрел". Однажды мы пошли на место, где когда-то стоял наш дом, чтобы собрать уцелевшие пожитки — кастрюли, кружки, ложки. Все было в полурасплавленном состоянии, но еще годно. Там я впервые увидел проявление звериной сущности антисемитизма. Несколько подвыпивших немцев решили позабавиться. Они поймали старого еврея, подвели его к телеграфному столбу и заставили лезть вверх. Столб был гладким, скользким, и старик, конечно, не смог влезть. Тогда они вытащили кинжалы из ножен и стали его "подбадривать" снизу. Старик сделал несколько отчаянных рывков вверх, убегая от вонзившихся в него остриев кинжалов, а затем упал окровавленный на мостовую. И все это происходило под ликующий гогот толпы, которая собралась, чтобы посмотреть на это зрелище. Мы вернулись домой подавленные.

Евреям было приказано надеть желтые заплаты диаметром в 10 сантиметров на груди и на спине, и вышел приказ о создании в Минске еврейского гетто. Согласно приказу район гетто примыкал к еврейскому кладбищу. Евреи должны были переселиться в гетто и выходить на работу оттуда организованными колоннами и в сопровождении немцев. Проще было тем, у кого дома сгорели и никакого имущества не было. А те, у кого остались квартиры, вынуждены были их бросить. Часть имущества взяли с собой в гетто, а часть отдали соседям-неевреям на хранение. То же самое сделала моя тетя, у которой мы жили. Большую часть мебели, посуды и других вещей она оставила соседям, которые потом, после войны, когда ее муж вернулся с фронта в Минск, отказывались вернуть вещи под разными предлогами. Советские власти, которым он жаловался, отказались ему помочь. В гетто мы жили — три семьи в двух комнатах. Я спал на стульях, мама и две сестры на одной кровати — валетом. Кормились мы тем, что меняли теткины вещи на продукты. Это делалось с большим риском для жизни, так как надо было подойти к ограде гетто из

колючей проволоки, быстро сторговаться, а затем менять. Если же полицай видел, то немедленно стрелял и, конечно, в человека, стоящего внутри ограды. Жили мы впроголодь. Я не помню, чтобы в то время хоть раз был сыт.

Моя старшая сестра Тамара была непохожа на еврейку — русая, сероглазая. Работала она вне гетто как русская. Она нам очень помогала — приносila продукты, которые легче было достать и выменять на арийской стороне. Вместе с продуктами она приносila нам нечто еще более важное, что поддерживало нас всех морально — обнадеживающие новости. Она была связана с подпольщиками и приносila советские листовки, спрятанные в картофелине или в каблучке. Листовки передавались из рук в руки по всему гетто. Люди хватались за слухи, придавая им правдоподобный характер, как утопающий хватается за соломинку. Если слухов не было, то их сочиняли.

В городе было огромное количество пленных советских солдат и офицеров. Иногда их водили длиннющей колонной, которая тянулась на многие километры. Шли уставшие, голодные, мучимые жаждой — лето было жаркое и сухое. Однажды, когда им разрешили сделать привал у канавы с зеленою вонючей жижей, она была буквально высушена в миг прилавшими к ней людьми. Местное население относилось к ним сочувственно. Бросали им хлеб, картошку. Но немцы тут же стреляли и в бросающего, и в ловящего, и улицы были усеяны трупами. Пристреливали и упавших от изнеможения. Охраняли их не очень строго. По обеим сторонам шли немецкие солдаты, а в конце колонны шел танк, на котором сидел немец-автоматчик. Когда нас вели на расстрел из гетто, конвоиров было значительно больше. В связи с этим мне вспоминаются частые упреки евреям, что вот, мол, евреи шли как телята на убой, а если бы они сразу разбежались, так хотя бы части удалось спастись. В ответ на эти кабинетные рассуждения я всегда приводил пример с военнопленными.

Евреи были разные — с семьями, дети, старики, неорганизованные — просто толпа. И ко всему еще и евреи. Они знали, что если они и убегут из колонны, то им все равно деваться некуда, так как их тут же выдаст кто-нибудь из местного населения. А пленные русские солдаты — это были

молодые мужчины, пусть даже изнеможенные, но не связанные семьями, детьми и стариками. Были среди них и командиры с военным опытом. Если бы они одновременно по команде какого-нибудь решительного командира разбежались, то у них было бы значительно больше шансов спастись. Почти все местное население, независимо от политических настроений, относилось к пленным сочувственно. Город был сожжен, и документов у многих жителей не было. Почти в каждом доме ему дали бы одежду переодеться, накормили бы, он мог бы пойти в деревню, а там уже и до партизан рукой подать. Однако я не помню случая, чтобы пленные, десятки тысяч молодых мужчин, разбежались по своей инициативе. Были случаи побегов, но это были одиночки, или же когда инициатива и помощь исходила извне, от партизан. Евреи такой помощи были лишены.

Несмотря на особо тяжелое положение евреев, я знаю немало случаев, когда какой-нибудь еврей-герой бросался на охрану, и в образовавшейся суматохе люди разбегались. Есть в Минске один известный белорусский писатель. Жена его — еврейка, с которой я был хорошо знаком. Она мне рассказала подобную историю, которая произошла в их местечке. Когда они вернулись из эвакуации в Минск, то поехали на ее родину, и там, в этом местечке, им рассказали, как уничтожалось еврейское население. Когда всех евреев местечка вели на расстрел, то почти у самой ямы одна еврейская девушка бросилась на немца с ножом, свалила его и успела даже дать очередь из его же автомата; немцы от неожиданности растерялись, а евреи, воспользовавшись этим, побежали в сторону леса. Некоторых убили, некоторых поймали и расстреляли, но многим удалось спастись. Аналогичный поступок, я знаю, совершил мужчина в другом местечке. Обо всех этих случаях лишь рассказывали, писать о них не рекомендовалось. Когда писатель хотел написать повесть об этой героине, то ему в Союзе белорусских писателей сказали, что эта тема сейчас не актуальна, а надо писать произведения о восстановлении народного хозяйства в республике. Безусловно, будь она не еврейка, о ней были бы написаны книги, сделаны фильмы, ей были бы поставлены памятники.

Я вовсе не осуждаю советских военнопленных за их

поведение. После постоянного внушения им, что они самые сильные, непобедимые, что никакой враг им не страшен, столь полный разгром советской армии на первых порах войны совершенно подавил их морально.

Акции в Минском гетто

Первая акция в гетто состоялась 7 ноября 1941 года. Проснувшись утром, мы увидели из окна, что часть гетто оцеплена. Однако наша сторона улицы оказалась вне оцепления.

Почти в каждом доме евреи сооружали тайник- "малину": делали подкоп под полом, двойную стену, замаскировывали одну из комнат. У нас на чердаке была сделана двойная стена в одном из его закоулков. Все мы, семьи, живущие в этой квартире, полезли в это убежище, одевшись потеплее, забрав с собой имевшиеся припасы продуктов. На крыше и в стене дощатого чердака были щели, из которых с высоты второго этажа открылась ужасающая картина. Людей выгоняли из дома в том виде, в каком заставали; застигнутых в постели выгоняли в белье, в ночных рубашках, босиком. Всех сгоняли в одну колонну. При малейшей задинке сразу же расстреливали на месте, тех, кто не мог идти, тут же приканчивали. Подходили специальные закрытые машины, куда забрасывали детей. Улица была уже усеяна трупами. Раненые кричали и умоляли их прикончить. Стоял душераздирающий крик матерей, у которых вырывали детишек из рук, чтобы бросить их в машины. Некоторые изверги хватали детей за ножки и с размаху размозжали их головки о мостовую или о стену дома. Делали все это немцы совместно с местной полицией и украинскими отрядами. Среди прочих дел не забывали они и о наживе. Они тут же снимали со своих жертв часы, отбирали деньги, кольца и другие ценности. Они снимали часы и кольца и с убитых. Возле тротуара у нашего дома лежала убитая женщина, и один полицай отбежал от идущей колонны, чтобы снять с ее пальца кольцо. Но кольцо никак не снималось, и тогда он выломал палец, оторвал его и снял кольцо с другой стороны. Все это происходило у нас на глазах, и женщины,

сидящие в "малине", не выдерживали, видя этот ужас, и падали в обморок.

К вечеру "работка" была в основном окончена. Но кварталы еще оставались оцепленными, так как продолжали выискивать спрятавшихся и, кроме того, грабили все ценное, что находили. Грабеж этот проходил поэтапно. Вначале грабили немцы и их приближенные из местных полицаев, затем из оставшегося имущества уже рядовые полицай забирали все, что представляло для них какую-нибудь ценность. Потом оцепление снималось, и туда волной врывалась толпа простонародья, которая набрасывалась на имущество несчастных, как голодные волки на свою жертву. Начиналась чистка всего под корень. Вначале забирали и увозили на повозках, на колясках, а то и просто на плечах вещи и продукты. Затем растаскивалась мебель — и новая, и старая, а после этого вытамывали и уносили из дома все, что только можно было выломать и унести — и двери, и окна; а если дом был деревянный, то его просто разбирали по бревнам. В общем после окончательной обработки этого района в кварталах, где еще недавно жили тысячи мирных еврейских семей, оставались лишь одни скелеты домов. Интересно, что местное население узнавало на несколько дней раньше через своих родных и близких полицаев о том, что состоится акция. К ее началу они уже находились во втором эшелоне и кружили как черное воронье, ожидая, когда уже убьют жертву, чтобы наброситься на плоды ее многолетнего труда.

Крестьяне из пригородных деревень дежурили в прилегающих к гетто кварталах и только ждали подходящего момента, чтобы подчистить то, что осталось от немцев и полицаев. Притом, как я уже говорил, в первые дни после акций им не позволяли заходить в эти кварталы. Но у многих страсть к легкой наживе была столь велика, что они, не считаясь ни с запретом, ни с опасностью для жизни, пытались перебежать на запретную сторону и проникнуть в один из домов, а там, набив мешки вещами, вновь перебегали на свою сторону. Но многих из них настигала немецкая пуля, и они оставались лежать посреди улицы, сжимая в предсмертных судорогах награбленное добро. После войны многие дома местного

населения были битком набиты еврейским имуществом.

После акции кварталы гетто, которые подвергались уничтожению, отходили к так называемому арийскому району. Таким путем началось постепенное уничтожение минского гетто. Жертвы уводили и увозили за город в район Тучинки, где заранее были вырыты огромные рвы. Отдельным счастливчикам, которые притворились убитыми, удалось бежать даже из ямы. Они рассказывали, что евреев приводили к определенному месту недалеко от ям, затем, жестоко избивая нагайками, заставляли раздеваться догола. Вещи тут же бросали в отдельные кучи — обувь в одну, платье в другую, и таким образом сортировали их. Затем евреев группами гнали к краю ямы, и установленные пулеметы начинали работать. После этого убийцы подходили к краю ямы и добивали раненых и тех, кто казался им еще живым. Покрыв эту партию легким слоем земли, они подводили другую группу, и процесс начинался снова — с той же методичностью, немецкой аккуратностью, с тем же хладнокровным садизмом. Когда котлован был наполнен, его засыпали сначала известью, а затем землей. Как я уже говорил, кое-кому из находившихся в верхнем слое котлована — тому, кто упал не задетый пулей или был легко ранен, удавалось спрятаться под трупами, а ночью уползти с этого чудовищного кладбища. Люди, жившие в деревнях неподалеку, потом рассказывали, что первое время после расстрела земля еще дышала — раненые двигались. Местами скопившаяся кровь била из-под земли ключом. Даже неверующие люди в этих деревнях начинали креститься. Всего в Минске убили свыше 130 тысяч евреев. Около 100 тысяч были из Минска, а остальных привезли из Гамбурга, Австрии и Чехословакии. Естественно, что сразу всех уничтожить практически было невозможно, и немцы проводили свои акции по частям. По 10—15 тысяч за один раз.

Кроме того, постоянно проводились облавы, и сотни евреев увозили в неизвестном направлении. Потом оказалось, что их увозили на кладбище, где была вырыта огромная яма, у которой ежедневно расстреливали провинившихся евреев: тех, кто приблизился к ограждению, кто не снял шапку при встрече с немцем, кто шел без желтой

латы на положенном месте. Все это — не считая высокой смертности в гетто от болезней и голода. Часть привезенных из Европы евреев поселяли к нам в гетто, в отведенные им кварталы. Кварталы гетто были отгорожены друг от друга колючей проволокой, и нам было запрещено с ними общаться. Помню, как они колонной плелись с вокзала. Они отличались от местных евреев. У них были европейские манеры. На многих сохранились остатки прежнего лоска — добротная, хотя уже изрядно потрепанная одежда. Кожаные чемоданы, набитые разрешенными килограммами, они волокли по земле, привязав их веревкой или поясом. Их положение было еще хуже нашего, так как они, не зная русского языка и не имея знакомых среди местных жителей, не могли менять свои пожитки на хлеб. Говорили только на немецком, а чешские евреи, естественно, и на чешском языке. Носили они не желтую заплату, как мы, а желтый Маген-Давид. Многих из них прямо на станции погрузили в закрытую машину, предварительно отобрав вещи. Им сказали, что их отвезут на постоянное место жительства, а вещи прибудут вслед за ними. Их действительно увезли на постоянное место — на место вечного покоя. Их увозили за город, где уже заранее были вырыты ямы, и когда двери фургона раскрывались, оттуда вываливались трупы. Пока машина находилась в пути, выхлопные газы ее рационально использовались для исполнения давно вынесенного приговора. Соседка наша, которая работала на уборке двора в полиции, рассказывала, что всех работающих вдруг погнали вечером в гараж мыть эти машины. В фургоне валялись разбитые очки, клочья волос, вырванные с мясом, сгустки крови и испражнения. В кабине этой машины был глазок в кузов, через который садисты могли наслаждаться предсмертными муками несчастных. Вещи убитых сортировались и отправлялись в Германию, а их остатки разбирали местные полицаи.

Не успели мы еще прийти в себя после первой акции, как 20 ноября того же года, через две недели, началась вторая акция. Рано утром мы из окна увидели, что наш квартал оцеплен гестаповцами. Мы решили проводить старшую сестру Тамару на работу и пошли с ней на соседнюю улицу, где она обычно проходила с одной из рабочих колонн на

арийскую сторону. Но тот район тоже был оцеплен гестаповцами. Всех нас стали сгонять в колонну, а место назначения было уже известно по предыдущей акции. Тогда тоже выгоняли всех из домов кто в чем был — в белье, в ночной сорочке, босиком. Это было в конце ноября, земля подмерзла и падал легкий снежок. На сей раз на помощь немцам и местным полицаям прислали специальный карательный отряд литовцев, у которых был уже некоторый опыт по этой части. Люди вели себя по-разному. Некоторые пытались бежать из колонны, но их тут же настигала пуля, некоторые снимали кольца, часы и этим пытались откупиться. Одни молились, другие плакали. Все были в панике. Люди не знали, как лучше поступить, что делать. Почти все были связаны семьями. И даже тут опять-таки прошел слух, что просто переселяют. И когда им это говорили, они верили. Верили, потому что хотели верить. Это была единственная надежда на спасение. Нас повели через оцепленный район по Замковой улице, на которой мы жили. Я шел рядом с младшей сестрой Бетти, рядом с ней шла мама, а справа от меня, с краю колонны, шла Тамара. Тетя с девочкой на руках и со старшей дочкой Таней шла на две шеренги впереди нас. Ее пятилетний сынишка Толик еще вначале потерялся и каким-то образом оказался опять дома. Но потом, при обыске квартир, его откуда-то выволокли и, зверски избивая сапогами и нагайками, допытывались, где находятся его мама и папа, а он-то и сам не знал. И там же его пристрелили, так как сам идти он уже не мог. Об этом мне потом рассказала чудом спасшаяся соседка, которая просидела несколько дней в помойной яме, зарывшись на самое дно. Там были скважины, и она могла видеть все происходящее во дворе. Таким образом она уцелела — уцелела до следующей акции. Когда нас подводили к концу Замковой улицы, Тамара рванулась и исчезла в воротах одного из дворов. Это было сделано молниеносно, и литовец не успел даже выстрелить. Мама крикнула ей вслед: "Тамара, осторожно, тебя могут убить!" В дальнейшем ей удалось пробраться в арийский район, где она встретила своих, подпольщиков, но ее там кто-то выдал, и она оказалась в руках полицаев. Ее посадили в тюрьму, там над ней полицаи измывались, пытали, а потом повесили как

партизанку. В тюремном дворе работала еврейская рабочая колонна. Рабочие видели там Тамару, им она передала, что ее кто-то выдал, а от других заключенных они узнали о дальнейшей ее судьбе.

От Замковой нас повели вверх по Обойной. Теперь я оказался с краю шеренги. Я не могу сказать, что о чем-то думал, что-то планировал. Скорее всего, я действовал инстинктивно. Я почему-то старался находиться не рядом с ведущим нас литовцем, а между двумя. И когда идущий сбоку шага на три сзади меня литовец оглянулся назад, я, сам не понимая, что делаю, рванулся во двор через какой-то проломанный забор. Но он заметил и успел выстрелить вслед. Пуля просвистела рядом, но я уже был по ту сторону забора. Так я первый раз бежал от верной смерти — и последний раз видел свою маму. Я пробрался дворами в противоположный конец гетто и там, выбрав удобный момент, проскользнул под колючую проволоку и оказался на арийской стороне. Это уже была окраина города, возле искусственного озера. Сняв желтые латы, я пошел по замерзшему озеру. Но куда идти? В городе у нас были русские знакомые. Но я не знал, как они ко мне отнесутся, а проверять их отношение к евреям на себе я не хотел, так как мог ошибиться лишь один раз. Бродил я так до позднего вечера. Уже стемнело. Я был ужасно голоден и замерз.

Находился я как будто у себя в городе, в городе, в котором я родился и вырос. Сколько времени я провел на этом озере — купался, загорал, играл. Все мне было знакомым и когда-то близким. А сейчас я вдруг почувствовал враждебность во всем. Все преобразилось, сбросив с себя маску. Мне казалось, что даже деревья, скамейки и все вокруг смотрят на меня с ненавистью и тыгут пальцем — "жив", "жив".

Деваться было некуда, я пошел назад в гетто. В других кварталах, в которых еще не проводили массовых акций, жили мои тетушки. Я пошел к одной из них, которая жила по улице Опанского. Мужа ее схватили в одной из облав и он бесследно исчез.

Материальное положение в гетто было крайне тяжелым. Люди умирали с голода. На улицах валялись опухшие от

голода дети. Кто не работал, получал в день комочек сырого хлеба и пол-литра мутной водички с сантиметровым осадком муки, которая называлась затиркой.

Нас водили на рытье канав, уборку улиц и подобные работы. Водили нас работать и на товарную станцию. Там удавалось иногда достать картофельную шелуху, или мороженую картошку, или немного макухи. Это была какая-то поддержка. Водили нас на работу очень далеко — в мороз, в пург. В гетто свирепствовал террор. Искали подполье. Почти еженощно окружали какой-нибудь подозрительный дом. Жителей увозили в душегубках, а часть убивали на месте. Эти акции всегда сопровождались душераздирающими криками женщин, выстрелами, лаем собак и горянкой бранью гестаповцев. Естественно, что в эти ночи никто уже не спал, и люди прислушивались, не приближается ли душегубка к их дому.

К этому времени, кроме желтых лат, каждый житель гетто обязан был пришить к своей одежде номер дома, в котором он жил. Нумерация в гетто была сплошной, без улиц. Ежедневно на специальных тачках увозили на кладбище умерших от голода и болезней. Люди были в полном отчаянии. Массовый террор, голод, холод, враждебное отношение местного населения их окончательно сломили. И когда однажды прорвавшиеся советские бомбардировщики бомбили город, то люди молились, чтобы бомба упала на них. Люди очерствели, внутренне огрубели, стали ко всему безразличны. Все чувства были притуплены. Смерть воспринималась как обычное явление. Бывали случаи, когда жители какой-нибудь квартиры прятались в малине, и если во время обыска заплачет ребенок, то мать, чтобы спасти себя и всех остальных, собственными руками душила своего ребенка. Животный страх властвовал над всеми человеческими чувствами. Удивительна была способность и любовь немцев к самым изощренным издевательствам. Они иногда брали заложника и заставляли его выдать кого-нибудь из близких. В противном случае грозились на его глазах убить жену, мужа, детей, родителей. Однажды пришли к одному старику и велели ему сказать, где находится его сын, а если не скажет, то тут же на его глазах повесят дочь.

Евреи-полицейские в гетто носили желтые повязки и

следили за порядком. Многие из них были связаны с подпольем и оказывали ему всяческую помощь. Но были и предатели: Розенблэт, Эпштейн, Вайнштейн. Они работали на немцев, полагая, что этим спасут свою жизнь. Но они получили лишь некоторую отсрочку.

2 марта 1942 года, когда наша колонна (человек 60) возвращалась с работы в гетто, мы почувствовали какое-то возбуждение в кварталах, прилегающих к нему. Когда мы подходили к Обувной, нашу колонну остановила группа эсэсовцев. Все высокие, стройные, грудь нараспашку, и у всех длинные резиновые нагайки со свинцом на конце. Нас подвели к проволочной ограде гетто, но мы еще находились на арийской стороне. Всех нас поставили на колени в снег. Затем начали вызывать специалистов, которые переходили в указанное место тоже на коленях. Немцы в первую очередь старались уничтожить нетрудоспособную часть населения — детей, старииков, больных. Держали нас так около двух часов. Инстинкт самосохранения лихорадочно заработал во мне: "как спастись?" В гетто, я вижу, совершенно спокойно. Там уже к этому времени окончилась чистка. Я решил прорваться под проволокой в гетто. Несколько раз я подполз ал вплотную к проволоке, выгребал в снегу под ней воронку, чтобы можно было проскользнуть в нее. Но при третьей попытке один из эсэсовцев заметил и перетянул меня своей нагайкой по голове так, что у меня поплыли круги перед глазами. Я отполз к своей группе и остался лежать на снегу. Уже начало темнеть. Немцы окончили сортировку и, подойдя к нам, дали команду "Ауфштайн!" — "Встать". Я понял, что сейчас последняя надежда, если я сейчас не прорвусь под проволокой в гетто, то шансов на спасение уже не будет. Я весь собрался в комок, и, когда люди начали вставать и строиться в колонну, окруженную с трех сторон немцами (с четвертой стороны была ограда гетто), я рванулся и молниеносно прошмыгнулся через вырытую мною воронку. Какой-то полицай крикнул: "Стой! Назад!" и два раза выстрелил мне вслед. В нескольких метрах от проволоки гетто было здание бывшей школы. Я сразу же забежал за угол и оказался в безопасности. Ни полицай, ни эсэсовцы не смогли пролезть через эту маленькую воронку.

Я забежал в один из рядом стоящих домов. Там меня какие-то люди затащили в погреб, где прятались несколько семей. Погреб этот был искусно замаскирован. Они мне рассказали о всех ужасах, которые творились в гетто в этот день. Назавтра рано утром я пробрался в дом, в котором я жил. Часть жителей оттуда была увезена, а некоторым удалось спрятаться. В квартире у нас жил рабочий люд — столяры, плотники, каменщики. Они и спроектировали тайник-малину, в котором прятались жильцы нашей квартиры. В одной из комнат стоял большой старомодный буфет. В нижней части его, в среднем шкафчике, поднималась нижняя полка с различным тряпьем, затем поднимались две доски пола, которые были хорошо замаскированы, и люди спускались в маленький погреб. В этом погребке одна из стен отодвигалась, и люди попадали в большой тайник, который был рассчитан на все семьи, населявшие нашу квартиру. Отодвигающаяся стена в погребе, а также зазор между потолком в большом тайнике и полом в квартире были плотно набиты землей, так как при обысках немцы всегда простиживали пол и стены. В тайнике стояла бочка с водой, несколько труб были выведены наружу для вентиляции и замаскированы. Мы работали по ночам. Корзинами и ведрами выносили землю и тут же маскировали ее. В дальнейшем, после моего бегства из гетто, этот тайник еще не раз спасал многих жителей от облав. После полного уничтожения гетто несколько семей остались в подвале ненайденными. Но спустя некоторое время их обнаружили новые жильцы этой квартиры, арийцы, как их называли, и тут же донесли в полицию. Пришли полицаи с немцами и даже не предложили им выйти из тайника, просто бросили туда две гранаты, а потом уже очистили погреб от трупов и всего того, что осталось от них.

Вскоре я стал работать на электростанции, которая находилась в том месте, где я жил до войны. На месте нашего дома были уже огромные горы торфа. На этой станции мы грузили торф, но чаще всего нас, мальчишек, гнали в огромную зольную, откуда мы выгребали золу, а затем грузили на вагонетки и увозили. Получали мы за день черпак супа и... 30 грамм хлеба, я не ошибся, именно 30 грамм. Нечную буханку черствого старого хлеба, кото-

рый выпекли еще до войны, разрезали на тонюсенькие просвечивающиеся ломтики.

Электростанция находилась на реке Свислочь. За рекой был парк имени Горького, а за парком шла улица Пулехово. Я вспомнил, что на этой улице жил еще до войны товарищ отца, местный немец по фамилии Никель. Я решил рискнуть и пойти к нему. Я перелез через насыпь у реки; там, сняв пиджак, я спорол с него желтые латы и пополз между кустами к арийскому району. Электростанцию охраняли украинцы. Многие дети, работавшие на электростанции, и дети рабочих часто пробирались на арийскую сторону, чтобы добыть там что-нибудь из продуктов. Многие из них не возвращались, так как были опознаны полицаями или местными, которые тут же выдавали их полиции. Часть была поймана украинцами, которые охраняли электростанцию. Они их зверски избивали, а затем отводили в полицию, из которой уже возврата не было. Иногда, когда полицаи или кто-нибудь из местных жителей подозревал пойманного мальчишку в том, что он еврей, ему устраивали экзамен. Требовали произнести фразу: "На горе Аарат растет крупный виноград". Если картавости не было, делали другую проверку — предлагали спустить брюки.

Младший сынишка Никеля нашел бумажник, в котором были документы на имя Степанова. Никель дал мне их: "Возьми, может и пригодится". Там были и метрика о рождении, и немецкий паспорт. Но год рождения был 1924, а это было опасно, так как в этом возрасте уже начинают мобилизовывать в различные отряды самообороны. Но из четверки легко сделать девятку, что мы и сделали. Фотография оказалась очень невыразительной и даже чем-то похожей на меня, так что мы решили ее не менять. Потом знакомые лишь говорили, что я плохо получился на фотографии. Эти документы меня не раз выручали. Именно Никелю я обязан этим, а также своим уходом из гетто. Он помог мне сделать первый шаг.

Вскоре я познакомился на работе с женщиной по фамилии Штефан, которая до войны работала "техничкой" в школе: убирала классы и давала звонки. Моя цель была найти какие-нибудь нити, ведущие в лес, найти людей, связанных с партизанами. Дело в том, что к этому времени я

остался совсем один. Родственников и знакомых у меня уже почти не осталось. И люди, которые не знали меня, не могли, естественно, разговаривать со мной о партизанах, о подполье. Я решил уйти куда-нибудь в деревню, а там уже, как я думал, до партизан рукой подать.

В июле 1942 года, когда рабочие колонны ушли на работу, в гетто началась самая продолжительная резня, которая продолжалась четверо суток. Наци решили уничтожить в первую очередь всех неработающих — детей, старииков и инвалидов. На сей раз увозили всех подряд. И работников Еврейского комитета, и с биржи труда, и из самоохраны. Немцы и полицаи шарили с собаками по всем квартирам, чердакам и подвалам. Все места, которые казались им подозрительными, в которых могли спрятаться люди, они взрывали гранатами. Многих пристреливали на месте. По улицам текли ручьи крови. Даже любимая собака начальника гетто Готтенбаха, остроту зубов которой мне незадолго до этого пришлось испытать, опила кровью, взбесилась, и он вынужден был ее пристрелить. В больнице всех больных перерезали. Детские дома были все уничтожены. Нашу рабочую колонну с электростанции четыре дня держали в развалинах бывшей гостиницы "Беларусь", днем водили на работу, а на ночь в "гостиницу". Когда через четыре дня нас привели назад в гетто, перед нами предстала жуткая картина. Дома были как бы вывернуты наизнанку. Окна и двери вырваны. Квартирная утварь валялась на улице. Всюду стояли лужи запекшейся крови. Эту картину дополняли жуткие вопли рыдающих матерей, отцов, детей и сестер. Все вдруг сразу осиротели. У каждого погибла если не вся семья, то часть ее. Прежде они торопились с работы домой к женам, детям, родителям, и каждый старался принести в дом что-нибудь, что можно было достать на работе: бидончик супа, немного картофеля, просто кусок доски или полена для растопки печи. Сейчас это уже никому не нужно было. Квартиры были пустые, и из них лишь глядели широко раскрытые глазницы окон, дверей и печей. Гетто сразу опустело, люди сломились, атмосфера стала еще более гнетущей.

Я продолжал приходить к госпоже Штефан. Каждый уход и возвращение на территорию электростанции были связаны

со смертельной опасностью. Однажды я вернулся на электростанцию, когда колонна уже ушла в гетто. Что делать? Куда деваться? Я снова пошел к ней и рассказал, что опоздал к своей колонне и мне некуда деваться. Жила она в одной большой комнате. К ней часто заходили соседи и всякие люди для продажи и обмена вещей. Она оставила меня у себя ночевать. Поздно вечером неожиданно к ней пришли соседи. Когда они постучались в дверь, она заметалась — куда бы спрятать меня — и втолкнула меня под стол. Стол был большой, круглый, накрытый скатертью, которая свисала до пола. Гости уселись, и начались беседы о том, о сем. Я всячески увертывался от их ног, которые они то и дело протягивали под стол. Затем у меня от неестественного скрюченного положения отекли ноги, мне страшно хотелось их расправить. Хозяйка и так и эдак пыталась закруглить разговор, но они как назло не понимали намеков. Так я перекатывался, сидя на корточках, с ноги на ногу в течение двух часов, пока они, наконец, не ушли.

В другой раз, когда я уходил от нее, на улице было много русских ребят. Они увидели меня и каким-то особым чутьем почувствовав, что я еврей, начали кричать: "Жид, жид, пойди сюда! Дай золото, а то убьем!" Я пустился бежать в противоположную сторону, преследуемый градом камней, гиканьем и смехом.

Бегство из гетто в деревню

Я стал расспрашивать госпожу Штефан о родственниках ее мужа: где они живут, бывают ли там партизаны. И когда она собралась в деревню навестить свою дочь, я ее прямо спросил, не может ли она меня взять с собой. С ней было идти значительно безопаснее. Она и дорогу знала, и на вид была арийкой, и говорила по-немецки, что очень пригодилось. Она немного подумала, а потом говорит: "Давай-ка пойдем, вид у тебя не типично еврейский, документы у тебя есть" (свой новый документ я ей уже показывал). Мы договорились, что я приду к ней рано утром, и мы вместе пойдем в деревню. Была середина марта 1943 года. Я

поднялся задолго до рассвета. Стоял крепкий утренний морозец. Одевшись в лучшее, что у меня было, я отправился к главному выходу из гетто в надежде, что смогу примкнуть к какой-нибудь колонне, которая выходила на работу пораньше. Но, подойдя к воротам на Республиканской улице, я увидел несколько машин с гестаповцами, которые выгружались и начали оцеплять наш район. Я бросился в противоположную сторону к еврейскому кладбищу, чтобы успеть пробраться через ограду, пока туда еще не дошло оцепление. Я сорвал с себя желтые латы и по привычке сунул их в карман, как будто я еще собирался вернуться обратно. Но тут я осознал, что возврата быть не может. Я внутренне настроил себя, что какие бы опасности ни ожидали меня, в гетто я больше не вернусь. Мне было всего пятнадцать лет, но за два года, проведенные в гетто, я начал по-взрослому осмысливать все происходящее. Гетто было окружено всеобщей враждой и ненавистью. Самой страшной была не ненависть немцев, ибо это было в порядке вещей, а ненависть, как тогда казалось, "своих" — тех, с которыми жили, работали, учились и дружили десятки лет. Атмосфера всеобщей вражды сковывала инициативу, выхолащивала людей духовно и физически. Многие из них, оказавшись они в самых тяжелых условиях, в самых опасных ситуациях, но не лишенные моральной поддержки, не отвергнутые всеми и вся, могли бы проявить чудеса героизма.

Я вытащил латы из кармана и сунул в сугроб. Выбрав удобный момент, я пролез под проволоку, предварительно оттянув до отказа нижний ряд вверх и закрепив его обрывком шнура. Я оглянулся в последний раз на гетто, вернее на то, что еще осталось от гетто, на это старое еврейское кладбище, которое за два года поглотило больше людей, чем за все время своего существования, на эти домишко с наглухо закрытыми ставнями, воротами и дверьми, в которых еще теплилась жизнь, но вряд ли надежда. Отсутствие надежды может сломить самых сильных, волевых людей.

Я пришел к госпоже Штефан, и мы отправились в деревню. Мы шли четверо суток. Иногда нас подвозили попутные подводы крестьян, которые ехали с базара. Ночевали мы там, где нас заставала ночь. Когда начинало темнеть,

мы заходили в ближайшую деревню или хутор и просились у крестьян на ночлег. В то время полно было всяких беженцев и просто людей, которые бродили из деревни в деревню в поисках пропитания. По нашей легенде, до войны я учился в школе, в которой моя попутчица работала. Случайно она встретила меня в городе, узнала, что я остался один, все мои родные погибли при бомбёжке, и она решила увезти меня в деревню, где легче прожить и пристроить к какому-нибудь богатому крестьянину. Эту версию она повторяла везде, где мы останавливались, и всем, с кем приходилось разговаривать. На четвертые сутки мы подошли, наконец, к деревне, где жили родственники ее мужа. Деревня эта называлась Драбовщина. Она находилась в 20 километрах от еврейского городка Клецк и в 7 километрах от местечка Заостровече. Район этот находился в Западной Белоруссии (название того времени), то есть на территории, которая до 1939 года принадлежала Польше. Деревня была разбита на хутора. Хозяин, двоюродный брат ее мужа Янко Карсюк, был относительно зажиточным крестьянином. У него был большой дом, 8 гектаров земли, две коровы, лошадь, телята, свиньи, овцы. С ним жил его старший сын Иван со своей семьей. Он в детстве повредил себе ногу и стал инвалидом. Ученик еврейского портного из Польши, он слыл лучшим портным в округе. Кроме него, с хозяином жили еще две его дочери—Настасья и Лиза. Нас они встретили приветливо. Госпожа Штефан рассказала им обо мне, мобилизовав все свое искусство рассказчицы. Все расчувствовались, а женщины даже прослезились. Они решили оставить меня у себя жить, чтобы я им помогал по хозяйству. У них, как оказалось, всего два месяца тому назад бандиты убили сына, когда он шел в соседнюю деревню через лес. Леса кишили тогда бандитами вперемежку с партизанами и полициями.

Вечером старушка согрела воду в печке. За дорогу, со всеми случайными ночевками, я стал еще более грязным и вшивым. По понятной причине догола раздеться я боялся. Но вода уже была налита в кадушку ("це́бар"), у меня не было выбора. Как бы очень стесняясь, я сбросил с себя белье и быстрым прыгнул в воду, где я смог сидеть лишь плотно поджав колени, что меня спасало. Когда раздетый я

уже сидел в кадушке, то увидел изумленные лица всех присутствовавших. Я сразу не понял в чем дело, почему все так пристально смотрят на меня. Не заметили ли они у меня признак, который в то время означал смертный приговор? Но, оказывается, их просто поразила моя худоба. Мои руки у запястия и плечевых костей были одинаковой толщины — буквально кожа да кости. Хозяин подошел ко мне, взял осторожно двумя пальцами мою руку и начал сгибать ее во всех суставах. Потом он мне сказал, что решил, что я болел сухоткой, так как не видел никогда таких тощих. Иван мне сразу сшил белье из крестьянского полотна, старушка расчесала мне волосы густым металлическим гребнем; и я, обновленный и уже немножко осмелевший, сел за стол. После почти двухлетнего непрерывного голода я впервые сел за стол, обильно уставленный яствами. С первых же дней меня начали приобщать к работе. Я задавал корм скоту, начал бороновать, а потом и пахать в поле. Эту работу я любил и чувствовал себя хорошо. Через месяца два-три я уже делал основную работу по хозяйству. Кормить скот входило в мои обязанности. Обрабатывали мы поле вместе с хозяином. Молотили цепами рожь, косил траву, очищал хлев, кроме того, ездил в лес по дровам. Летом я в основном пас коров в лесу. Но когда бывала срочная работа, меня на пастбище подменяла дочь хозяина. Эта деревня находилась на одинаковом расстоянии от местечка, в котором был полицейский участок, и от района, куда уже проникали партизаны. В лесах постоянно устраивали засады то полицией, то партизанами. Кроме того, там бродили всякие вооруженные группы, которые боролись и с партизанами, и с немцами, как, например, польские легионеры. Было много просто вооруженных бандитов, которые только грабили и убивали. Население было запугано и, когда темнело, люди боялись выйти из дома. Я удивлял своих хозяев и односельчан тем, что ничего и никого не боялся. Не боялся не потому, что был такой смельчак, а потому, что после гетто, где на каждом шагу тебя поджидала смерть, где все жили в страхе, здесь для меня был рай. Бывало один уходил с лошадью в лес на всю ночь, чтобы пасти ее и прятать от грабителей. Когда надвигалась какая-нибудь опасность, я садился на лошадь и скакал ночью через лес в соседнюю деревню к родствен-

никам своих хозяев, где было относительно спокойно. Ночевал я до Рождества один на гумне в сене, а утром босиком по снегу возвращался домой.

Относились хозяева ко мне хорошо. Я, со своей стороны, старался вовсю. К хозяйству и ко всему, что было связано с ним, я относился как к своему. Это они видели и ценили. Антисемитизм у них был в основном бытовой. И относились они к евреям, как к чему-то инородному. До войны у них в деревне и в округе жило много евреев — кузнецов, портных и торговцев. Со многими из них они были в хороших отношениях. Но самое большее, на что они могли пойти — это не выдать еврея немцам или даже помочь ему уйти в лес. Прятать его у себя — это уж слишком. Они мне рассказывали, что в начале войны у них пряталась одна еврейка — их старая знакомая. Но через два дня старик препроводил ее в другую деревню, откуда было легче добраться до партизан. Дальнейшая судьба ее была неизвестна. Они полагали, что если бы она добралась до партизан, то иногда бы их навещала. Перед своим отъездом она оставила им почти все свое имущество. С особой ненавистью они относились к советским евреям, которых было немало в 39 году среди "освободителей". Когда с приходом немцев началось уничтожение евреев, одновременно началась охота за их имуществом. После погромов специально ездили в Клецк из деревень, чтобы кое-чем поживиться. После войны я приезжал к Карсюкам и поддерживал с ними дружеские отношения до самого моего отъезда. Когда я им сказал, кто я, они были ошеломлены, но их отношение ко мне не изменилось. Хотя они мне говорили, что если бы тогда они узнали, что я еврей, они все равно оставили бы меня у себя, но думаю, что они постарались бы избавиться от меня, так же, как и от той еврейки, которая жила у них два дня. Семья эта вызывает у меня самые теплые воспоминания и дружеские чувства. Уже после войны Иван как-то сказал мне, задумавшись: "Когда в 39 году пришли Советы, то они говорили, вот, мол, из-за панов вы и жили так плохо. Пришли немцы и говорили, что, мол, из-за жидов вы жили так плохо, ну а теперь вот нет ни жидов, ни панов, а жить еще хуже".

Встреча с партизанами

Хотя в деревне было относительно неплохо, но, разумеется, целью моей оставалось узнать, где находятся партизаны, и как добраться до них. Для этого я и ушел из гетто. У меня еще тогда было о партизанах самое розовое представление, хотя часто, когда у односельчан заходил о них разговор, я слышал их реплики. Партизаны, мол, тоже жидов не любят. Приводили примеры. Но мне тогда казалось, что это просто какое-то недоразумение.

Через две деревни от нас находилась деревня под названием Чаша, там жила одна из дочерей хозяина. Деревня эта находилась недалеко от партизанского района, и туда часто проникали партизаны. Я искал всякого предлога, чтобы меня туда отправили на некоторое время: отвезти что-нибудь, помочь дочери по хозяйству. Но первое знакомство с партизанами у меня произошло в лесу. В один из дней ранней осени я пас коров недалеко от нашей деревни. Я сидел на обочине дороги, проходящей через гущу леса и плел ковш для картошки. И вдруг, о Боже, вижу — партизаны. По дороге передо мной идет колонна настоящих партизан. Впереди на лошади в желтой кожанке, в портупее, с красной ленточкой на папахе, ну прямо как на картинке едет командир, а за ним длинная вереница партизан, одетых и вооруженных пс-разному. Винтовки они носили стволом к земле. Чувства мои трудно описать. Я бросил коров и со слезами радости бросился к ним. Но командир, увидев меня, сказал что-то рядом идущему, очевидно адъютанту, и тот, схватив меня за руку, отвел в колонну. Меня окружили, и со всех сторон посыпались вопросы — кто я и откуда. Я говорю открыто, ведь здесь уже бояться некого: "Я еврей из Минска. Мои родители погибли в гетто, я все время стремился к вам, к партизанам. Наконец-то моя мечта сбылась". Но тут я увидел у многих окруживших меня иронические улыбки на лицах, смешок, а затем посыпались реплики, этакие с нарочитым еврейским акцентом, нараспев: "А сто ты зде-е-есь бу-у-у-дешь делать в пагизанах? Стгелять? Но ведь у нас нет кгивого гузья!"

А другой спрашивает: "А кто были твои мама и папа? Наверно в магазине тогова-а-али?" И дальше: "А тебя

случайно немцы не заслали к нам шпионить? Лучше скажи сразу, а то мы тебе еще одно обрезание сделаем!" и тому подобное. И все это сопровождалось всебычным гоготом. Я был в каком-то шоке. Я не верил своим ушам. Я подумал, что попал к переодетым полицаям. Мне рассказывали, что иногда полицаи переодевались в партизанами, чтобы спровоцировать и выявить всех, кто им симпатизирует, а потом с ними расправиться. Так мы прошли несколько километров. Я еще пытался просить отвести меня к командиру и оставить у них. Просился пойти с ними на самое опасное задание, но кроме насмешек и издевок в ответ я ничего не услышал. Затем командир опять позвал своего адъютанта и сказал ему что-то. Он отвел меня в сторону от колонны и приказал: "Ложись лицом к земле!" Я лег. Затем он говорит: "Считай до ста, если поднимешь голову, то сразу получишь пулю в затылок". Я начал считать и слышал удаляющиеся шаги. Когда шаги затихли, я поднялся. Партизанской колонны уже и след простыл. Я мог в то время ожидать чего угодно, но такая встреча с красными партизанами меня совершенно ошарашила. Делать было нечего, я пошел собирать своих коров, которые разбрелись по лесу. Но все-таки я еще не терял надежды, что встречу настоящих партизан, которые возьмут меня к себе. Позже мне удавалось бывать под различными предлогами в деревне Чаша, но и там меня партизаны допрашивали и настаивали на том, что меня заслали немцы. Разумеется, если бы они сами в это верили, то расправа была бы короткой. Они просто издавались надо мной. Через некоторое время один из партизан, помоему, замаскированный евреем, наедине сказал мне, чтобы я лучше поскорее убирался из этого района, так как все равно рано или поздно кто-нибудь из особо рьяных антисемитов расправится со мной. Мне пришлось вернуться опять в Дравовщину.

Если бы я тогда не был столь наивен и скрыл свое происхождение, то меня взяли бы в партизаны, и отношение ко мне было бы совершенно иным. В дальнейшем, уже после войны, при встрече со многими партизанами-евреями я узнавал новые факты о том, как сильно процветал антисемитизм в партизанских отрядах.

При всем терроре, царившем на оккупированных немца-

ми территориях, положение евреев в гетто не идет ни в какое сравнение с положением неевреев. Последние могли свободно передвигаться по всей территории, ездить в деревню и в другие города. Материальное положение их было несравненно лучше. И, главное, они не были окружены глухой стеной ненависти. В конце концов, их не убивали только потому, что они русские, украинцы, белорусы. В партизаны их брали даже, если они прежде служили в немецкой полиции. Все это им тогда прощалось. Евреи же находились в атмосфере дикой вражды и животной ненависти не только со стороны немцев, но и со стороны своих вчерашних соседей, бывших сотрудников и друзей. И это было самое ужасное. Когда нас из гетто вели на работу через арийский район, то почти всегда идущие по тротуару так называемые арийцы нам вслед кричали: "А, жили 20 лет на нашей шее, пили нашу кровь? Теперь расплачайтесь!" Или же, когда, бывало, евреи-интеллигенты рыли каналы, убирали улицы, то постоянно слышались насмешки, издевки над их неуклюжестью: "А, отсидели свои толстые зады в магазинах, привыкли, чтобы русский Иван работал на вас! А сейчас поработайте и вы! Кончилось ваше время!" и тому подобное.

Я видел ликующую толпу, когда евреев вели на расстрел. Я видел, как бывшие ученики, а нынешние полицаи вытаскивали из колонны своих учителей-евреев и сводили счеты с ними за прошлые двойки. Помню, когда мы возвращались с работы в гетто, одна пожилая женщина, детский врач, узнала в толпе, стоявшей на тротуаре, своего бывшего пациента, которому она в свое время спасла жизнь, а потом лечила в течение всего его детства. Теперь же этот спасенный ребенок был в обличии полицая. Но она все-таки бросилась к нему в надежде, что у него осталось чувство благодарности и он сможет ей помочь. Благодарность его выражалась в том, что он швырнул ее на землю и стал топтать ногами, сопровождая это отборной антисемитской бранью. Затем он плеснул на лежащую на земле женщину. Мы же ее опять втащили в колонну и уже принесли на руках в гетто.

Если бы местное население было просто пассивно, то добрая половина евреев могла бы спастись. Ибо без активной помощи местных жителей немцы бы никогда не смогли

уничтожить такое огромное количество людей. Помогали немцам не только полицаи и местная охрана или же другие организованные вооруженные отряды, старавшиеся перешеголять немцев в зверствах, но и основная масса населения: и простые крестьяне, и рабочие, и интеллигенция. Это было еще в 1941 году. Я вышел на верхнюю часть улицы, которая спускалась горой, и передо мной открылась картина. Мне виден был весь район, как со стороны гетто, так и арийская часть. Внизу улицу пересекала проволочная ограда гетто. У ограды немцы совместно с полицаями проводили очередную облаву на евреев. Они окружили несколько домов и выгнали оттуда всех жильцов, а затем загоняли их в тут же стоящие машины. Во время этой облавы нескольким еврейским мальчишкам удалось пролезть под проволоку на арийскую сторону, а там во дворах они попрятались в различных дворовых строениях — в уборных, мусорных ящиках, сараячиках. И тогда все мы, стоявшие наверху и видевшие эту картину, были потрясены, как в этих дворах женщины и их дети выволакивали еврейских детей из их убежищ, ловили их, если они пытались удрать и тут же отдавали в руки немцам или полицаям. И это был не единичный случай. Такое отношение населения к евреям было типично, лишь проявлялось оно по-разному.

Сейчас некоторые историки и писатели, иногда как будто ничего не присоединяя, искажают происходившее на территориях, оккупированных немцами. Они берут разные факты, положительные и отрицательные, и попросту количественно смешают их. Были, мол, отдельные отщепенцы, предатели, которые выдавали евреев, а в массе своей местное население всячески помогало евреям, даже рискуя своей жизнью. Это ложь. Отдельные случаи оказания помощи евреям они преподносят как типичное явление. А массовая ненависть к евреям, активная и пассивная помощь большинства местного населения немцам в уничтожении евреев выдается за отдельные случаи. Да, были случаи, когда русские, белорусы, украинцы, литовцы, поляки действительно спасали евреев, скрывая их. Но, к сожалению, это были лишь отдельные случаи, так же как и случаи, когда сами немцы спасали евреев. Например, один немец увез из минского гетто целую машину евреев в лес и сам ушел вместе с ними в партизаны.

Но это были лишь редчайшие исключения, а исключения, как известно, лишь подтверждают правило.

Уйти еврею в партизаны было не так-то просто. Нужно было выбраться из гетто, пройти город, идти по селам, по лесам, где не только рыскали немцы и полицаи, но и каждый встречный мог тебя выдать полиции. Не говоря о том, что трудно было достать документы, многих евреев выдавал их семитский профиль и еврейский акцент. Я, будучи мальчишкой, не был похож на еврея. Еврейского акцента у меня не было, так как я всегда разговаривал по-русски и учился в русской школе. И, когда я шел по городу вне гетто, предварительно сняв желтые латы, я не боялся встретиться с немецкими полицаями или с гестаповцами. Но видя русских полицаев и других подозрительных местных типов, я всегда забегал в развалины домов, благо весь центр Минска был разрушен, или в подворотни. Русские мальчишки каким-то особым чутьем определяли, что я еврей, и сразу же начинали кричать: "Пан, пан, вон жид пошел, жид!" и гнались за мной с криками: "Держи жида!" Для них такая охота была развлечением.

Из такого враждебного окружения еврею было трудно пробраться к партизанам. Но самое ужасное начиналось, как это ни парадоксально, когда некоторые из них все-таки встречались с партизанами. Прежде всего, среди партизан усиленно распространялись слухи, что евреи кончают у немцев школы шпионажа и их направляют в партизаны для того, чтобы шпионить, а также отравлять колодцы и кухни. Об этом я много раз слышал даже после войны от русских партизан, которые с пеной у рта доказывали, что это действительно правда. Кроме того, у многих приходивших к партизанам евреев они требовали золото, считая, что у евреев золото — это нечто само собой разумеющееся. Или же давали еврею заведомо невыполнимое боевое задание с условием, что, только выполнив его, он докажет, что он не немецкий шпион. Например, давали пистолет, чтобы убить начальника полиции, или давали взрывчатку, чтобы взорвать мост, находящийся под усиленной охраной, — выполнить подобное задание могла лишь специальная группа подготовленных людей. А эти евреи безо всякой военной подготовки, а некоторые из них не умели даже пользоваться оружием,

шли на явную гибель, так как иного выхода у них не было. Известно много случаев, когда евреи уже начали создавать свои отряды, собирали оружие, но при первой же встрече с партизанскими отрядами их окружали, обезоруживали и под предлогом, что они засланы немцами как шпионы, расстреливали.

Несмотря на все мне еще тогда казалось, что антисемитизм партизан является чем-то случайным, нетипичным, а вот, когда придут наши, то тогда уже будет совершенно иначе.

Освобождение от немцев

Однажды поздно вечером хозяин вызвал меня во двор и предложил приложить ухо к земле. Я лег на землю и услышал далекий гул канонады. "Ты чуешь, Толя, это колхоз идет", — сказал мне хозяин. Разумеется, радости моей не было предела. Я считал уже себя спасенным. В связи с приближением Советов у моего хозяина и у большинства крестьян были смешанные чувства. С одной стороны, они не любили немцев как инородцев, хотели, чтобы поскорее окончилась война, так как у некоторых из них были сыновья и в советской армии, и в немецкой армии. У некоторых из них сыновей и дочерей увезли в Германию на работу. Кроме того, они мечтали, чтобы скорее окончилась эта партизанская, так как больше всех страдали от нее они. У них забирали коров, свиней, лошадей и другое имущество. С другой стороны, советский режим у них ассоциировался с колхозом, что также означало лишение их почти всего недвижимого имущества, а для них их земля, пастбища, скот были главным в жизни. Дня через два с крыши дома я уже видел движущиеся колонны советских войск, окутанные клубами пыли. Все крестьяне, захватив необходимые вещи и скот, спрятались в лесу. Боев, кроме воздушных, в нашем районе не было. Немцы ушли бесшумно, а советские войска продвигались быстро. Вскоре они заполнили всю нашу деревню. Мне казалось, что я родился заново. От радости я порвал свои русские документы на имя Степанова. "Ведь теперь они уже мне не нужны, не от кого

скрывать, что я еврей", — думал я. Я объявил хозяину, что уезжаю в Минск искать родных. И действительно, одна из моих тетушек — сестра матери — успела эвакуироваться. Меня проводили тепло. Сшили новый самотканый костюм, дали торбу с хлебом и салом, и хозяин отвез меня на телеге к шоссе. Всего я в деревне прожил год и три месяца.

В Минске никого из родственников у меня не осталось. Я решил пойти в армию. Я пришел в областной военкомат. Выглядел я совсем мальчишкой — худой, в крестьянской одежде, босиком. Это было лето 1944 года. Советские войска продвигались победоносным маршем на Запад. В тот год призывали молодежь 1926 года рождения. Один из работников военкомата меня спросил: "Что пришел, чего хочешь", я сказал, что хочу в армию. "Какого года рождения?" Я ответил — 1928. Тогда он сказал мне: "Ну, тебе еще рановато в армию. Пойди к мамке своей, поешь блинов, подкормись, а потом возьмем". Помню, мне стало страшно обидно. Комок подкатил к горлу, и я заплакал. Я уже не помнил того времени, когда плакал. Это было впервые за всю войну, как-то прорвало меня, и я не смог ему объяснить, что мне некуда и не к кому идти откармливаться. Я ушел. По дороге я увидел объявление о приеме в ремесленное училище, которое обеспечивало питанием и общежитием. Это было единственное место, куда я мог пойти, так как это мне давало хоть какой-то прожиточный минимум. Ученики были разные — и из города, и из деревни, но у большинства из них были родственники, и каждое воскресенье они уезжали домой и привозили мешки с хлебом, салом и другими продуктами. Питание в столовой училища поддерживало силы, хотя мы и не наедались. Практические занятия проводились на танкоремонтном заводе им. Ворошилова. Туда прямо с фронта привозили подбитые танки и самоходные орудия. Мы, мальчишки, часто лазили в танки — внутри были следы запекшейся крови. В танках я добывал радиодетали, которые приносил своему приятелю радиолюбителю; он из них собирал приемники. В то время иметь радиоприемник запрещалось. И тогда я впервые услышал голос свободного радио.

ПЕРВЫЙ СРОК

Два года свободы

В ремесленном училище была атмосфера довольно откровенного антисемитизма, проявляемого как учениками, так и учителями. Учителя, в основном с "Медалью партизана", позволяли себе особенно много. (В противоположность им те, кто жил и работал на оккупированной территории и боялся, что его обвинят в сотрудничестве с немцами, сдерживали себя и даже иногда прикидывались друзьями евреев). Я открыто высказывал учителям и ученикам свое возмущение этими проявлениями. Но и тогда я еще наивно полагал, что все это лишь влияние войны и немецкой пропаганды. Мне часто приходилось вступать в драку с антисемитами. Как и в довоенный период, желание быть сильным и здоровым толкнуло меня пойти тренироваться в спортивную секцию бокса. Мне тогда уже было ясно, что антисемиты понимают лишь язык силы, язык кулака. Я учился в ремесленном училище, занимался спортом и одновременно пошел учиться в вечернюю школу, чтобы получить аттестат зрелости. По окончании ремесленного училища меня определили в группу, которую собирались послать в город Ростов в специальный техникум, который относился к тому же министерству трудовых резервов. Но очередная стычка с антисемитом изменила всю мою дальнейшую судьбу. Один из учеников, сын подпольщика, после очередного антисемитского выпада был мною жестоко избит. Меня отвели к заместителю директора училища, тоже бывшему партизану, который тряс перед моим носом огромным кулаком и рычал: "У — у морда" — с трудом удерживаясь от слова "жидовская". Под конец он заявил: "Пойдешь работать, пойдешь на свой хлеб. Вы только и стремитесь учиться, чтобы потом стать начальниками и командовать людьми". И меня исключили из списка кандидатов, в котором я, кстати, был единственным евреем. Меня отправили работать на тот завод, где мы проходили практику. Через некоторое время меня вызвал замдиректора завода по политчасти и предупредил, что если я буду заниматься и в дальнейшем националистической пропагандой, то это для меня плохо кончится.

Моя так называемая националистическая пропаганда тогда выражалась лишь в моих отповедях антисемитам. Никаких познаний в еврействе у меня совершенно не было. Особо злобствовал и постоянно провоцировал меня комсорг цеха. Я старался сдерживаться, но время от времени меня прорывало.

В это время меня от секции бокса направили на Всесоюзный парад физкультурников. Парады проводились с большой помпезностью, на них всегда присутствовал Сталин и все правительство. Парады являлись классическим примером советской показухи. На них отпускались колоссальные средства, содержались десятки тысяч спортсменов. На Красной площади или на стадионе Динамо в Москве расстипался огромный ковер для спортивных выступлений. Генеральные репетиции проводились ночью на Красной площади. В Кремле всю ночь горел свет, и мы всматривались в окна, стараясь увидеть человека с усами. В выступлениях принимали участие лучшие гимнасты страны. Для них было заказано дорогостоящее спортивное оборудование. Но перед выступлением кому-то показалось, что Сталину будет утомительно долго стоять, тогда решили программу сократить. И дорогостоящее оборудование превратилось в железный лом, а многомесячная подготовка гимнастов, которых откармливали американской тушенкой и шоколадом, пошла насмарку. Все это происходило в послевоенные годы, когда страна лежала в развалинах, не было жилья, а продукты выдавались по карточкам.

Перед отъездом я пошел к директору завода просить разрешение поехать на парад физкультурников, а после парада поступить учиться. Он меня приветливо принял, дал разрешение и пожелал успеха в выступлениях и учебе. И я уехал в специальный лагерь, где проводилась подготовка к параду. Там я познакомился со студентами Института физкультуры, и они уговорили меня поступить в их институт. После парада я сдал вступительные экзамены и был принят в институт. Я тогда, разумеется, не знал, что это был лишь хороший предлог для руководства завода избавиться от меня. Да еще каким путем! В то время, когда директор завода благословлял меня на успехи, начальник отдела кадров оформлял на меня дело в суд за уход с военного